

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.3

**ОТ РЕШЕНИЯ ЖЕНСКОГО
ВОПРОСА К НОВОМУ
ГЕНДЕРНОМУ ПОРЯДКУ:
ДВИЖЕНИЕ В МОДУСАХ
СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ**

**FROM THE SOLUTION
OF WOMEN ISSUE
TO A NEW GENDER ORDER:
MOVEMENT IN THE MODES
OF SOCIAL TIME**

Силласте Галина Георгиевна

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,
научный руководитель департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
г. Москва,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

Galina G. Sillaste

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Philosophical Sciences,
Scientific Advisor, Sociological Department,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

В статье анализируется специфика решения гендерного вопроса. Автор использует концепцию модусов социального времени и осуществляет анализ изменений, происходящих в социальной системе и отношениях полов, в трех состояниях времени: модусе прошлого, настоящего и будущего. Данная методология определяет постановку вопроса в статье: от женского вопроса к новому гендерному порядку.

The article analyzes the specificity of the gender issue solution. The author uses the concept “modes of social time” and analyzes the changes in social system and gender relations in three states of time: the mode of the past, the present and the future. This methodology determines the raising of the question in the article: from the female question to a new gender order.

Ключевые слова: женский вопрос, гендер, модусы, прошлое, настоящее, будущее.

Keywords: women issue, gender, modes, past, present, future.

В нашей статье мы будем исходить из следующей методологической посылки – социальное время отражает изменения социального пространства в его динамике, в ритмах и циклах, сохраняя последова-

тельность состояний, которые фиксируются нашим сознанием. А концепция модусов социального времени предполагает анализ изменений, происходящих в социальной системе и отношениях, в трех состояниях времени: модусе прошлого, настоящего и будущего. Отсюда и постановка анализируемого вопроса: от женского вопроса к новому гендерному порядку.

Сюжет первый – женский вопрос и его постановка в модусе прошлого социального времени

Позволю напомнить, что термин «женский вопрос» появился в конце XVIII – начале XIX в. и получил разностороннее освещение в марксистской литературе и работах прогрессивных феминисток. Обратимся к работе профессора В.М. Хвостова «Женщина и человеческое достоинство» (1914 г.), в которой Хвостов пишет: «Выдвинутый новейшей историей вопрос о положении женщин в обществе является одним из важнейших вопросов современности <...> Женский вопрос есть, конечно, вопрос социальный. Речь идет о том, какое положение должна занимать женщина в обществе, соответствует ли положение, преподносящееся в идеал, тому, которое сложилось в действительности, и если не соответствует, то какими причинами вызвано это несоответствие и какими средствами может быть устранено» [1, с. 24, 16].

Женский вопрос имеет в науке несколько измерений: материальное, экономическое, идеологическое, социальное, психологическое, историческое, правовое и морально-нравственное. Учитывая социальное содержание женского вопроса, изменение этих условий, формат женского вопроса на каждом этапе развития изменяется, а его содержание существенно трансформируется. Но не снижается злободневность постановки этого вопроса. Посмотрим на данный вопрос не с позиции обыденной практики, а с научной позиции, конкретно – гендерной социологии в трех указанных временных модусах, беря за точку отсчета достижения советского периода.

Опыт СССР показал такие образцы достижения равенства и равноправия женщин с мужчинами, такой уровень социальной эмансипации женщин, который в современной России по целому ряду параметров недостижим.

Пересмотр позиций в этом вопросе начался в эпоху активной перестройки и демократизации советского общества. В начале 90-х гг. женский вопрос все чаще стали связывать с незнакомой нам категорией «гендер». Этот разворот начался практически на заключительном этапе жизни СССР и был поддержан на уровне высшего политического руководства страны. Демократизация открывала новое социальное

пространство для взаимодействия во многих сферах деятельности, конкретно – в научной. Точкой отсчета стала Международная конференция по гендерным исследованиям, которая по предложению ЮНЕСКО была проведена в Москве на базе Академии общественных наук (1990).

От СССР был предложен доклад «Женщины как субъект общественного мнения» (по результатам всесоюзного социологического исследования «Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-экономическим и политическим вопросам», проведенного в 1989 г., – первого социологического исследования социальных установок женщин). Автору данной статьи было поручено выступить с этим докладом как руководителю социологического проекта и в то время советнику ЦК КПСС по вопросам женщин и демографии. Основные доклады по гендерным исследованиям были представлены исследовательницами из США, Великобритании, Франции.

Москва зашелестела нелестными комментариями и научными пересудами по поводу не ясного никому слова «гендер». Его настойчиво смешивали с понятием «тендер». Стало очевидно, что необходимы серьезная научная проработка вопроса, формирование нового исследовательского направления.

Кратко обозначим вехи динамики преобразования категории «женский вопрос» в «гендерный». Этому в значительной степени способствовали два процесса: распространение гендерных исследований в России и институционализация в российской социологической науке новой отрасли научного знания – гендерной социологии, предметом которой являются социогендерные отношения и процессы, отражающие эволюцию социального положения и статусов представителей двух гендерных общностей – женщин и мужчин как системообразующих общностей, на социальной деятельности и социальном потенциале которых развивается любое общество как социетальная система. А это уже смещение акцентов в исследовании женского вопроса в новых социально-политических условиях постсоветской России. Краткая динамика становления нового научного направления, ставшего консолидирующей научной платформой в изучении женского вопроса.

1990 г. – первый независимый форум женских организаций (в Дубне), создание в США секции «Социальное положение женщин и женских движений».

1995 г. – Всемирный форум по положению женщин в Пекине, ставший поворотным в развитии гендерной проблематики и развороте мирового внимания к женскому вопросу, к положению женщин, к женской исследовательской проблематике во всем мире. Женский во-

прос приобрел социетальное звучание и универсально важное значение для политики стран мирового сообщества.

Базовым документом, раскрывавшим принципиально новую постановку женского вопроса в конце XX в., стала Пекинская платформа действий по улучшению положения женщин с четко разработанной Стратегией действий во имя улучшения положения женщин в мировом масштабе. Ведущим инициатором и координатором этого разворота выступила ООН. Пекинская декларация по положению женщин стала поворотной. Впервые под эгидой ООН мировому сообществу предлагался на конференции документ, который выдвинул масштабные и в то же время очень конкретные единые для всех стран критериальные оценки странового анализа положения женщин. Более того, пекинский доклад содержал такой богатый понятийный аппарат новых специализированных терминов и понятий из области гендерных исследований, что вызвал протестную реакцию участников официальных делегаций, представленных на форуме 116 странами мира. Никто не понимал, при чем здесь некий гендер, когда конференция созвана для обсуждения положения женщин.

В ответ на критическую ситуацию на заседании форума по требованию многих делегаций (в т.ч. РФ) была созвана группа экспертов и принята своего рода объяснительная резолюция по вопросу использования в докладе термина «гендер». Таким образом, в общемировой научный оборот терминологический аппарат нового научного направления ранее никогда не вводился. Гендерные исследования после Пекинской конференции вспыхнули с новым размахом...

В 2000 г. на Первом социологическом конгрессе постсоветской России в Санкт-Петербурге ССА преобразуется в Российское общество социологов (как правопреемницу ССА), а секция по положению женщин и женских движений среди других – в исследовательский комитет под названием «Гендерная социология». Так был взят первый научный редут по линии консолидации и научно-организационного обеспечения развития сформировавшегося нового направления.

В 2003 г. впервые в российской социологической науке уже на уровне понятийного аппарата Социологической энциклопедии появляются понятия «гендерная социология», «социогендерные исследования» (авторством которых гордимся поныне) и «гендер». Так произошла институционализация новой отрасли научного знания – гендерной социологии – в российской социологической науке.

В 2004 г. ВАК закрепляет новую социологическую специализацию – «экономическая социология и демография», в паспорте которой среди других указано направление «гендерная социология». Это стало

окончательным признанием гендерной социологии как частной социологической теории, имеющей свои сложившиеся предмет и объект, теории и направления, востребованность социальной практикой, расширяющийся круг российских ученых.

В 2015 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ решением ученого совета утверждается научная школа «Гендерная и экономическая социология» (под руководством проф. Г.Г. Силласте). Таким образом, институционально, уже на уровне университетской научной школы, признается и поддерживается дальнейшее развитие научного направления, которое вуз развивал с 1996 г. на базе созданной кафедры социологии, ежегодно – 18 лет – проводя на своей научной площадке гендерные чтения, переросшие в формат международных гендерных конференций [2, 3].

Пришло обоснованное научное осознание категории гендерных исследований, которые изучают положение не только женщин, но и мужчин. Сформировался плюрализм теорий и направлений их изучения, все чаще объединяющегося в категорию «гендерный вопрос», частью которого стал женский вопрос. Образовался широкий круг исследователей и исследований, которые к настоящему времени представляют веер направлений в изучении положения женщин и мужчин. Происходит фракционализм гендерных исследований, их конструирование в конкретные направления прикладного научного знания: гендерная социология, гендерная психология, гендерная история, гендерная экономика, гендерная медицина, гендерная педагогика и гендерное право.

Остановимся на одном из них: гендерной экономике. Гендерная экономика – отрасль экономических и социологических знаний о взаимовлиянии гендерной дискриминации и экономического развития, в результате которого возникает гендерное неравенство в доступе к экономическим ресурсам.

Основной вопрос гендерной экономики – это вопрос о достижении равенства в распределении экономических ресурсов между гендерными общностями и анализ гендерного разделения труда. При этом гендерный анализ распределения ресурсов оперирует таким ресурсами, как время – доход – имущество – доступ к общественным благам и к земле – к производственным ресурсам – к принятию решений в обществе (политике) и в семье. Это и ответ на вопрос различий женского вопроса и гендерного.

В 1995 г. в Докладе о развитии человека впервые была опубликована методология расчета индексов развития человеческого капитала с

учетом гендерного фактора: индекс развития с учетом гендерного фактора и показатель расширения возможностей женщин.

Концептуальное основание на уровне утверждения: гендерное неравенство тормозит развитие человека; средний уровень достижения в конкретной стране не может быть адекватно оценен без учета неравенства между мужчинами и женщинами.

Выделим два измерителя гендерного неравенства: показатель возможностей женщин и неравенство в долголетьи между мужчинами и женщинами. Есть и такой показатель – показатель расширения возможностей женщин (ПРВЖ), учитывающий неравенство между мужчинами и женщинами в участии и полномочиях по принятию решений в политической области. Россия в рейтинге ПРВЖ занимает даже худшее место, чем в рейтинге по ВВП (до 60). Для анализа положения гендерных общностей используется ряд индексов. В частности, индекс профессиональной сегрегации, которая в отраслевом и профессиональном должностном разрезе объясняет значительную часть гендерного разрыва в оплате труда (составляющую 30–40 %); индексы женской занятости.

Меняется гендерная отраслевая сегрегация занятости – так, доля мужчин в промышленности упала с 1980 г. более чем на 10 %, доля женщин в сфере связи – на столько же, в оптовой, розничной торговле и общественном питании доля женщин была меньше на 18 %. Результатом является процесс феминизации и дефеминизации определенных отраслей.

Несмотря на то что в России на рынке труда очень устойчивы стереотипы в отношении женщин, тем не менее вложения в женский человеческий капитал не только догоняют, но и перегоняют вложения в мужской человеческий капитал. Уровень образования российских женщин устойчиво выше уровня образования мужчин. А как показывают исследования, уровень женского человеческого капитала примерно на 8–10 % сокращает разрыв в оплате труда [2, с. 270].

Сохраняется не только горизонтальная (отраслевая), но и вертикальная сегрегация женщин, когда они занимают рабочие места с характеристиками более низкой квалификации и низким статусом. Так, среди представителей органов власти и управления женщин – 39 %, среди неквалифицированных рабочих всех отраслей экономики – 53.

Что касается прямой дискриминации женщин в доступе к определенным видам занятости, то она проявляется в нежелании работодателей нанимать на работу женщин. Более 50 % работодателей считают, что обремененность женщин семейными обязанностями снижает цен-

ность женской рабочей силы, и в условиях высокой конкуренции предпочитают работников, готовых к высоким нагрузкам и сверхурочным.

Новый Общероссийский классификатор видов экономической деятельности вместо прежнего Общероссийского классификатора отраслей народного хозяйства приближен к современному европейскому классификатору и позволяет более четко уловить гендерные диспропорции.

В частности, не требует исключать финансовую отрасль из анализа и лучше отражает зависимость между уровнем феминизации и уровнем оплаты труда для современного рынка труда. Но зависимость между уровнем феминизации отрасли и конкретного вида труда и оплатой труда сохраняется: чем ниже уровень феминизации конкретного вида труда, тем выше заработная плата. Максимальный гендерный разрыв наблюдается в отраслях с уровнем феминизации 60–65 %.

В сильномускулинизированных отраслях немногочисленные женщины, которые смогли преодолеть барьеры горизонтальной сегрегации и отстаившие свои предпочтения в отношении выбора вида деятельности, имеют неплохие шансы на равную оплату своего труда (например, наука, руководящие должности).

В отраслях гендерно нейтральных (представительство женщин от 39 до 58 %) положение иное. Эти отрасли – вступившие на путь феминизации или, напротив, идущие по пути мускулинизации – борются за мужскую рабочую силу и устанавливают более высокую относительную мужскую оплату труда.

Таким образом, различия в человеческом капитале и гендерная асимметрия на рынке труда объясняют существенную часть гендерного разрыва в оплате труда.

Есть ли теоретическая основа объяснения прямой дискриминации? Есть. Это теория склонности к дискриминации Г. Беккера (заработная плата ниже у работников, чьи личностные качества, например, пол, неприятны) и вторая теория – статистической дискриминации (в условиях высоких издержек по определению «качества» индивидуального работника у работодателя формируется групповой портрет работников: «например, женщины менее производительны, менее склонны работать сверхурочно, я должен сохранить ее рабочее место три года, если она уйдет в декрет, значит, она стоит дешевле») [3, с. 39].

Итак, женский вопрос к началу XXI в. изменил свои границы, расширил содержание и интегрировался в более широкое содержательное пространство, очерченное гендерным вопросом, ставшим универсально важным для всего мирового сообщества. Гендерный вопрос в своем содержании касается не только социального положения жен-

щин, но и социального положения мужчин, достижения гендерного равенства для обеих гендерных общностей с учетом новых социальных, политических и экономических реалий. Для планомерного решения этой глобальной задачи приняты международные документы, координирующие и регулирующие деятельность страновых органов власти, осуществляющих контроль выполнения программных документов в рамках допущенных полномочий.

В России к настоящему времени сформировалась разветвленная научная и практическая база для реализации стратегий гендерного равенства, приняты соответствующие документы, органами госвласти осуществляется координация деятельности со странами СНГ. Такова ситуация в модусе прошлого социального времени, которая стала эстафетой для эволюции этого процесса в модусе настоящего социального времени.

Сюжет второй – как развивается ситуация в модусе настоящего социального времени?

Это время, которое характеризуется глобализацией – развитием западных промышленных стран на концептуальной базе постмодерна – и развитием транзитивной экономики в России и бывших соцстранах. Это с одной стороны. С другой – большой комплекс принятых за прошедшие годы международных документов, подписанных Россией, положения о реализации Стратегии достижения гендерного равенства обязывают нашу страну следовать критериям принятой парадигмы достижения гендерного равенства.

В ней появились новые грани и формы, отражающие происходящие в мире изменения. Среди них особо выделим несколько.

Во-первых, это явление гендерного разлома по нескольким социальным осям сложившегося миропорядка. Это выражается, в частности, в пересмотре традиционной концепции пола и легализации концепции множественности полов с ее институционализацией на уровне законодательного закрепления в ряде западных стран. Если в конце 90-х гг. культивировалась концепция пяти полов, то в настоящее время свыше 20 квазиполов.

По сути, это беспрецедентная идеологическая и культурологическая ревизия исконности биологического пола как основы всех отношений между полами. На этом фоне концепция множественности полов, апелляция и опора на нее приобретают все более агрессивный характер со стороны сексуальных меньшинств. Меньшинство, более того, абсолютное численное меньшинство навязывает свои нормы и ориентации и получает удовлетворение своих установок на уровне зако-

нодательств ряда стран. Сегодня таких стран 26, принявших законы об однополых браках, по сути, уравнивании в правах меньшинств нетрадиционной сексуальной ориентации. Все юридические нормы однополых и гетеросексуальных семей одинаковые (в том числе и вопросы усыновления детей).

Прикрываясь парадигмой гендерного равенства, равенства прав и свобод, используя акции протеста в защиту своих прав, секс-меньшинства на Западе агрессивно отстаивают свои права и получают их законодательное удовлетворение.

Такого откровенного столкновения традиционализма и гендерного биомодернизма (назовем так) в жизни общества еще не было. Либерализация отношения стран старого западного мира к сексуальным меньшинствам и носителям нетрадиционных ориентаций имеет далеко идущие цели и последствия. Квазипол агрессивно претендует на равные права с представителями природного, биологического пола – и это линия серьезного анализа.

В мире сформировался новый страновой гендерный ландшафт, построенный на основе гендерной асимметрии в структуре населения. Мир прирастает женщинами интенсивнее, чем мужчинами. Согласно мировому докладу ООН, количество женщин за последнее десятилетие увеличивается почти во всех государствах. В результате гендерного разлома по половой оси можно ввести новую группировку стран по уровню не только экономического развития, но и гендерной страновой асимметрии. В такой гендерной сегментации мирового сообщества можно выделить 4 гендерно-страновых анклава:

Первый – гендерно симметричный с паритетом мужчин и женщин в структуре населения (50 на 50 %). Таких стран 11: Австралия, Греция и Дания, Канада, Норвегия и Швеция, Республика Корея, Турция, Таджикистан и Туркмения, Узбекистан. В этих странах тип эгалитарной семьи является признанным и поддерживаемым национальным законодательством.

Второй – гендерно асимметричный в пользу мужчин. Эти страны составляют абсолютное меньшинство среди стран планеты, своего рода группу «гендерных динозавров»: Китай, Индия, приближающаяся к ним Канада.

Мужчин в этих странах по 51–52 % от общей численности населения свыше 2 млрд чел. (% от численности населения планеты). Это страны, занимающие ключевое место в политической жизни континента, сотрудничество которых сыграло важную роль в формировании послевоенного мирового порядка.

Если говорить о гендерных ценностях и стереотипах в этих страновых сообществах, то им присущи традиционное стремление ограничить рождение девочек, морально-идейная власть мужского шовинизма, социальная дискриминация женщин, девушек и девочек (прежде всего в Индии) и наряду с этим признание женского равноправия и их широкое продвижение в Китае. В этих странах демографическая, семейная и гендерная политика переплетены особенно сложно.

Третий анклав – страны гендерно асимметричные в пользу женщин, доля которых в структуре населения разных стран составляет от 51 до 54 %. Эта группа стран без преувеличения «правит гендерный бал» в мировом масштабе, ибо их абсолютное большинство. Россия относится именно к этому гендерному анклаву и, более того, возглавляет его, достигнув 54 % женщин в структуре РФ. Это значит, что женщин в России на 11 млн больше, чем мужчин. Наша динамика красноречива. С 1950 г. рост женщин в структуре российского населения привел к его разлому по гендерной оси.

Примечательная особенность: доминирующую группу в этом анклавке составляют страны – бывшие республики СССР, в которых женщины сегодня заметно преобладают (по 54–53 %): Литва, Латвия, Эстония, Украина, Белоруссия. Из западноевропейских государств – Венгрия.

Четвертый анклав – легкая гендерная асимметрия с незначительным смещением в пользу женщин (51–52 %) – включает страны: Австрию, Аргентину, Азербайджан, Бельгию и Германию, Испанию и Италию, Англию и США, Нидерланды и Швейцарию, Финляндию и Японию. По 52 % женщин – во Франции и в Польше, Казахстане и Молдове, Болгарии и Армении. Западная Европа в отличие от России характеризуется процессом сокращения количества женщин, тенденцией к паритетности гендерного состава.

Невольно возникает вопрос о взаимосвязи процессов смягчения гендерной асимметрии в странах Западной Европы и США с возрастанием в них агрессивности сексуальных меньшинств, их притязаниями на семейный статус посредством легализации однополых браков, девальвацией ценности семьи и либеральной политикой государства в отношении сексуальных извращений и посягательств на личную безопасность ребенка.

Государство в этих странах все больше и активнее защищает права разного рода меньшинств, жертвуя интересами и социальной безопасностью женщин и детей. Гендерный разлом не только проходит по линии защиты прав и свобод женщин, но и глубоко задевает право на жизнь и безопасность детей.

Похоже, сбываются не только фантастические прогнозы Жюль Верна относительно развития науки и техники, но мир все ближе к царству амазонок, описанному в одном из художественных польских фильмов середины 70-х гг.

Но это не просто цифры. За ними гендерная структура человеческого капитала, его потенциал и качество.

Третья линия гендерного разлома: феминизация мирового социального пространства. ООН ввела новый показатель гендерного анализа: уровень феминизации, отражающий участие женщин в контроле над экономическими ресурсами страны. Он рассчитан как средневзвешенная величина из четырех показателей: доля женщин среди депутатов парламента, среди высшего руководства предприятий, среди инженерно-технических работников и в общем объеме заработной платы. Самый высокий в мире показатель уровня феминизации отмечен в Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии и Новой Зеландии.

На этом фоне гендерный вопрос как вопрос социального положения и интеграции в социальные отношения общественных систем двух гендерных общностей, создающей социальный капитал и основу развития любого государства, приобрел стратегическое значение и далеко идущие направления государственной политики.

Гендерный вопрос – центральная концептуальная линия – это обеспечение равенства прав и возможностей двух гендерных общностей, создание условий, при которых эгалитарные отношения, равные права и свободы являются нормами общественной и личной жизни, за соблюдением которых следит закон, обеспечивая равновесное положение и той, и другой общности. Добавим – с учетом национальной культуры, истории и традиций [6].

Сюжет третий – гендерный вопрос в модусе настоящего времени

В современных условиях сформировались и новые социальные риски, и угрозы. Конкретно – это социогендерные риски, обладающие разнообразными возможными последствиями для будущего развития общества. Что означают социогендерные риски в модусе будущего социального времени? Какие угрозы содержат для развития общества в страновом и мировом контексте?

Социогендерные риски являются видом рисков социальных. А риск – это вероятность наступления возможного негативного события, влекущего потери в разных формах и видах, концентрирующиеся в социальные последствия. Такие риски во внутрискановом и внешнестрановом (глобальном) масштабе можно рассматривать как риски

процесса социального распада, протекающего в ходе деструктивных процессов в мировой экономике и политике.

1. Основные социогендерные риски уходят в плоскость сохранения семьи. Сохранение традиционных форм или их деформация вплоть до трансформации самой сущности и ценности семьи?

Процессы противоречивые. С одной стороны, как показывают многочисленные российские опросы общественного мнения разных возрастных когорт, семья прочно вернулась на первое место среди базовых социальных ценностей личности. Это – ценность терминальная, системообразующая и фактически не имеющая заместительной формы. С другой стороны, формы ее развития меняются. Время уже изменило наш стандарт представления о размере многодетной семьи, сократив его в три раза по сравнению с советским периодом (с 10 детей до 3). Но, думаю, это мелочи по сравнению с риском кардинального пересмотра сущности семьи в связи с натиском и требованиями признания семьей пары с нетрадиционной ориентацией и их требованиями давать им детей на воспитание.

2. Риск, который репродуцируется предыдущим: риск детскости, сохранения социальной ценности ребенка и содержания детства.

Социальная ценность детей для процесса воспроизводства населения и функционирования общества – вопрос исключительной важности. Сколько будет рождаться детей, когда возрастная планка появления первого ребенка уже поднялась до 26–28 лет? Когда количество детей в семье носит ярко выраженный низкий уровень? Каковы качество новорожденных и здоровье детей? Нагрузка с новыми задачами для медицины и здравоохранения.

3. Риск замещенного родительства. Он связан с неспособностью иметь детей, что порождает формы заместительного родительского поведения и формирует риск квазиродительства. Он связан с внутренними моральными ценностями родительства. Риск невозвратности российских детей, которые либо продаются за рубеж (под псевдогуманными мотивами), либо теряются российскими матерями, выезжающими за рубеж безо всякого знания законов страны назначения относительно семейного и родительского права.

4. Риски деформации (реконструирования) облика и содержательной ценности женщины вплоть до девальвации ее человеческой ценности (учитывая масштабы теневого рынка продажи женщин и развития проституции). Сущностно деформации являются формой индивидуальной адаптации женщины к новым условиям жизни и выживания. В конечном счете она ведет к мускулинизации облика и характера женщин. Мы бы сравнили нынешний этап женского реконструи-

рования с перекличкой с периодом 30–40-х гг., когда женщины массово осваивали новые несвойственные ранее женщинам профессии и виды трудовой занятости.

5. Социогендерные риски на рынках труда, занятости и профессий. Риск деквалификации и депрофессионализации, особенно характерный для женщин, задерживающихся в декретных отпусках или вообще бросающих работу, а также болезненно переживаемый риск снижения перспектив карьерного роста.

Рынок труда далеко не однороден по своей структуре и имеет три сегмента: собственно рынок видов труда, рынок форм занятости и рынок профессий. Каждый из этих сегментов имеет свои движущие силы. Труд как социальная ценность, потребность и основа благосостояния. Занятость, не предполагающая обязательности труда за получаемое вознаграждение. Профессия как самостоятельная ценность и способ самовыражения личности в профессиональной сфере деятельности, в сфере труда в целом. Рынок профессий обладает большой разборчивостью, повышенными требованиями к трудовой отдаче и экономическому гендерному поведению. Так что на общем рынке труда для женщин и для мужчин – тройной риск потерь.

Еще один вид риска – риск феминизации бедности – самой массовой формы гендерного неравенства в сфере экономики и социальной жизни. Риск универсальный в мировом контексте, но имеющий в России свои особенности.

К началу 2005 г. бедное население России составило не менее 30 % (по данным Госкомстата, а по результатам социологических исследований – около 40 %). В настоящее время 37 % малоимущих домохозяйств возглавляют женщины. Большинство среди бедного населения составляют женщины. Малоимущих пенсионеров почти в 2,5 раза больше, чем малоимущих пенсионеров.

Уничтожение социальной инфраструктуры детского дошкольного образования в 90-х гг. обезоружило женщин, способных и желающих работать (хочу работать и не могу, так как негде оставить ребенка), и ускорило действие риска обнищания и люмпенизации среди женщин.

6. Закончим гендерную рискологию риском политической периферийности для женщин, что означает риск отчужденности от участия в большой политике, оставаться на периферии участия в большой политике. Мы не рассматриваем представительство женщин в органах высшего политического управления в качестве самостоятельной характеристики положения женщины в обществе. Это скорее квинтэс-

сенция, результат, отражающий положение и продвижение женщин в обществе, уровень демократизации общества.

Появление социальных рисков – это сигнал о переходе системы в другое состояние, социальный индикатор протекания скрытых пока в обществе социальных изменений. В развитии социальных процессов будут усиливаться парные социальные процессы с наращиванием отрицательной парности.

Можно ли преодолеть гендерное неравенство? Можно. При использовании мер: мирно-демократических; социально агрессивных (через акции протесты); законодательных; общественных. Для этого органам управления необходимо научиться прогнозировать возможные социальные последствия гендерной асимметрии в интересах общественного прогресса и индивидуальной самореализации мужчин и женщин.

Сюжет четвертый – заключительный

Таким образом, комплексно сложились все ведущие показатели положения женщин и мужчин, характеризующие уровень гендерного неравенства или равенства в мировом страновом ландшафте и каждой страны конкретно. Гендерный вопрос адсорбировался в показатель гендерного порядка. Историческая феминистская парадигма женского равноправия и гендерного равенства будет развиваться и сохранять свое ведущее место в развитии гендерного вопроса и нового гендерного порядка.

Что значит гендерный порядок? Это система социальных норм, политической культуры и политических институтов, формирующая отношение к гендерным проблемам в обществе и их решению. Для характеристики гендерного порядка в странах существует набор социальных, экономических и демографических показателей. Гендерная структура населения включает следующие компоненты: гендерное распределение труда, занятости и безработицы; гендерную смертность и гендерную сверхсмертность; продолжительность жизни; гендерную дискриминацию и гендерный разрыв (индексы соотношения полов на рынке труда и индексы женской занятости); пенсионный возраст; индексы гендерной и профессиональной сегрегации, и др.

Завершая, хотим отметить, что Россия – страна с ярко выраженным женским лицом по гендерному паспорту и реальному портрету. Как отразятся изменяющиеся в мире и в России условия жизни на полноценности каждой из гендерных общностей с точки зрения их интеграции и адаптации к изменяющимся условиям – жизнь покажет.

Литература

1. *Хвостов В.И.* Женщина и человеческое достоинство. М., 1914.
2. *Силласте Г.Г.* Гендерная социология и российская реальность. М., 2016.
3. *Силласте Г.Г.* Гендерная социология: трудный путь признания // Мужская гендерная общность: закономерности и специфика развития. М., 2013.
4. *Ощепков А.Ю.* Гендерные различия в оплате труда в России. Препринт WP/2006/08. М. : ГУ ВШЭ, 2006.
5. *Калабихина И.* Социальный пол и проблемы населения. М. : Менеджер, 1995.
6. *Силласте Г.Г.* Изменение социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социс. 2000. № 5.

References

1. *Khvostov V.I.* Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo. M., 1914.
2. *Sillaste G.G.* Gendernaya sotsiologiya i rossiyskaya real'nost'. M., 2016.
3. *Sillaste G.G.* Gendernaya sotsiologiya: trudnyy put' priznaniya // Muzhskaya gendernaya obshchnost': zakonomernosti i spetsifika razvitiya. M., 2013.
4. *Oshchepkov A.Yu.* Gendernye razlichiya v oplate truda v Rossii. Preprint WP/2006/08. M.: GU VShE, 2006.
5. *Kalabikhina I.* Sotsial'nyy pol i problemy naseleniya. M. : Menedzher, 1995.
6. *Sillaste G.G.* Izmenenie sotsial'noy mobil'nosti i ekonomicheskogo povedeniya zhenshchin // Sotsis. 2000. № 5.

Поступила в редакцию

11 июля 2017 г.